



Школьные годы. 1951 г.

Читаю...

1947–1948

Читаю Брэма и прочую зоологию, Дарвина, Достоевского (без успеха), Конфуция (в переложении Буланже, толстовца) и массу толстовских брошюр, к которым подхожу резко полемично. Ренан «Жизнь Иисуса», но раньше прочел критику на него архиеп. Варлаама (Ряшенцева), впоследствии епископа-исповедника (книга у меня до сих пор).

Очерки о природе. Пьеса о Франциске Ассизском (читаю его древнее житие). Изучаю историю Древнего Востока З. Рагозиной (до-революционную). Тогда же под влиянием Бориса Александровича Васильева начинаю работать над «Библейской историей», поскольку прочитанная у матери Марии огромная книга Лопухина (3 тома, конец века) устарела.

Семинар Н. Ю. Фиолетовой по раннехристианской литературе у Б. А. Васильева. Семинар по Чехову у Л. Е. Случевской, первой жены мужа Елены Александровны Огневой¹, — не понравилось.

Читаю о католических святых (Бернадетта, Доминик), узнаю о св. Терезе. Книга о преподобном Сергии Радонежском всегда сопровождает.

Принимаю решение стать священником. Знакомлюсь с инспектором Московской духовной академии Анатолием Васильевичем Ведерниковым², который посоветовал учиться дальше [кончить школу].

Занимаюсь живописью.

¹ Елена Александровна Огнева (1925–1985), искусствовед, многолетняя прихожанка о. Александра.

² Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992) в 1920-е гг. окончил Институт слова, основанный Н. А. Бердяевым. С середины 1940-х гг. — инспек-

тор Московской духовной академии, а затем ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии». В 1970–1980-е гг. был референтом митрополита Алексия (Ридигера), нынешнего Патриарха. Подробнее об А. В. Ведерникове см. на стр. 118.



В Воронежском заповеднике. Александр, Ирина Расшивалина и Виктор Андреев. Август 1951 г.



В Приокско-террасном заповеднике. 1954 г.

1949

Изучаю богословие по курсу П. Светлова¹, протоиерея. Книга, очень насыщенная идеями, литературой, критикой, полемикой. Дала много. Обильный антисемитский материал книги пропустил мимо ушей. Изучаю жизнь отцов Церкви по Фаррару². Читаю Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

1950

Собираю биографическую библиотеку Павленкова³. Это мой университет. Особенно ценны книги о философах. Увлекаюсь Спинозой и Декартом, прихожу к выводу, что рациональное не всегда плохо. Всякий грех иррационален в корнях. Спинозу начал читать с «Богословско-политического трактата», который поколебал во мне теорию авторства Моисея (взял ее из Толковой Библии, т. 1). В философию ввел меня в 50-м году Лопатин⁴ (его книга философских и критических очерков).

...Первое посещение Киева. Владимирский собор впечатлил, но чем-то и разочаровал (пестрота?), думал, он лучше (по репродукциям росписей).

Тогда же изучал «Золотую ветвь» Фрэзера⁵, которая много помогла в «Магизме»⁶.

1951–1952

Потом в Воронежском заповеднике изучал «Этику» Спинозы и письма. Потом пошли Лейбниц и Платон. Платон был менее созвучен. К этому времени уже был сделан первый набросок синтетического труда (о науке и вере, о Библии, Ветхий и Новый Завет, Евангельская история, Церковь). Читаю «Добротолубие». Большое погружение, но уже

¹ Прот. Павел Светлов (1861–1945), профессор, доктор богословия, преподаватель Киевского университета св. Владимира.

² Фредерик Фаррар (1831–1903), англиканский богослов и писатель. Многие его труды переведены на русский язык.

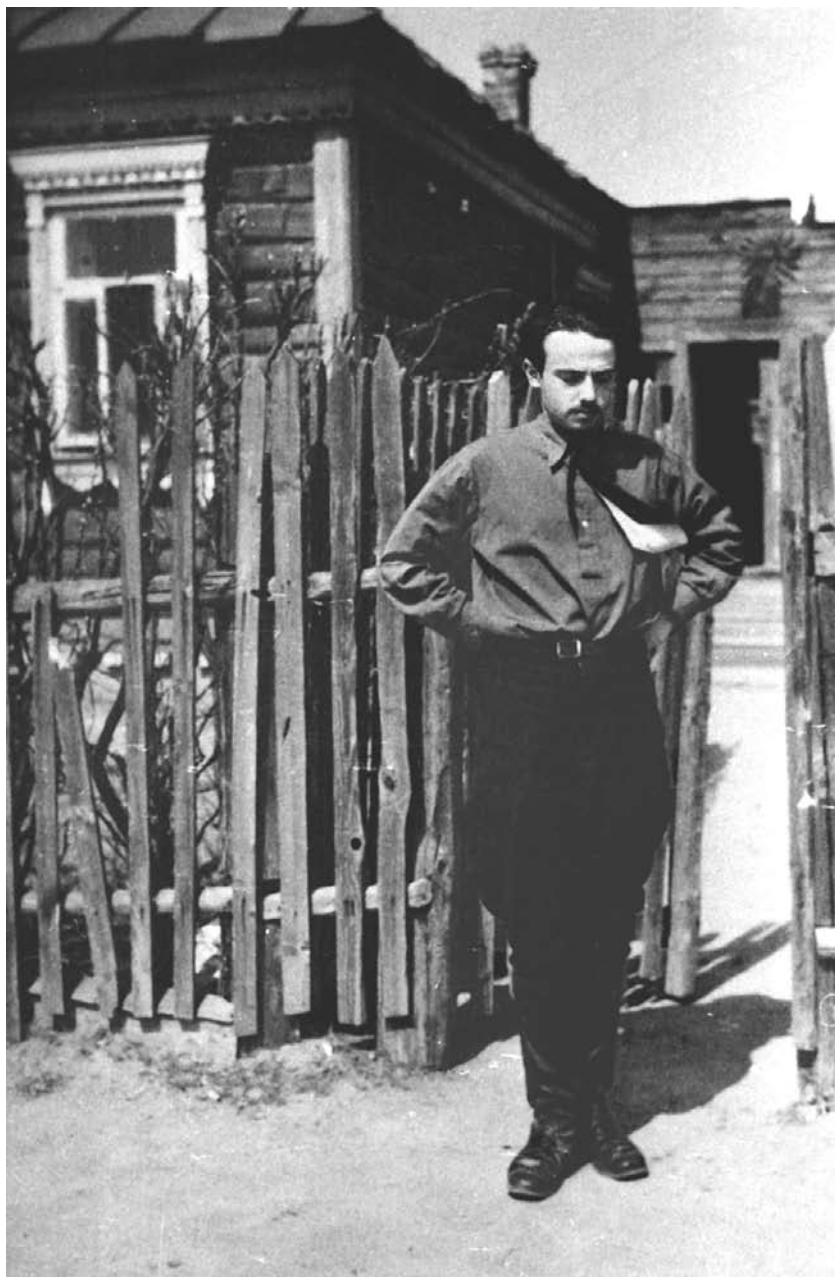
³ Флорентий Федорович Павленков (1839–1900), российский книгоиздатель (Санкт-Петербург). С 1866 г.

издавал серию «Жизнь замечательных людей» (200 биографий); издательство существовало до 1917 г.

⁴ Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), профессор МГУ, философ. Имеется в виду его книга «Философские характеристики и речи». М., 1911.

⁵ Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941), английский историк культуры и религиовед.

⁶ См. Приложение II.



Балашиха. Первое самостоятельно снятое жилье. 1953 г.

ощущение двойственности (что-то соответствует, а что-то оторвано от нашей жизни). Посещаю костел, баптистов, синагогу. Понравилось только в костеле.

Первая (неудачная) попытка читать Якоба Беме¹. Экхарт². Первое чтение Блока и символистов. Купил Соловьева, начал изучать. Пока отдельные тома. Множество книг по истории Церкви и ветхозаветная история Ренана³ и Киттеля⁴. Пишу заново Библейскую историю (уже исследую с большим материалом). Постоянно изучаю антропологию и происхождение человека. Фаррар, «Жизнь Христа». Гладков, «Толкование Евангелия»⁵.

1953

Отцы, Отцы, Отцы. Подвижники и классические. Перевожу (увы, наугад, с русского подстрочника) стихи Григория Богослова. Иногда интуитивно угадываю размер (как выяснил потом). Последние стихи⁶.

Ценил Гарнака⁷, хотя и не разделял его взглядов. Прочел его «Историю догматов». По-настоящему оценил Достоевского. Прочел всего, залпом. Но «достоевщины» как психологической атмосферы был всегда чужд (больше всего ценил главы о Зосиме). Впечатлялся Нестеровым, хотя потом понял, что не то. Знал досконально Музей изобразительных искусств, очень часто там бывал.

Изучал Флоренского. Глубоко потрясен им. Лодыженский, «Сверхсознание»⁸. Знакомлюсь с йогой и теософской литературой. Еще живут стихи.

¹ Якоб Беме (1575–1624), немецкий протестантский мыслитель. Основной труд — «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

² Иоганн Экхарт (1260–1327), иеромонах, немецкий католический богослов и мистик.

³ Эрнест Ренан (1823–1892), французский писатель, историк и библеист. Речь идет о его книге «История израильского народа» в 5 томах, изданной в русском переводе в 1907 г.

⁴ Рудольф Киттель (1853–1929), немецкий богослов. Автор книги «История израильского народа».

⁵ Борис Ильич Гладков (1847–1921), духовный писатель и общественный деятель. Его труд «Толкование Евангелия», изданный в 1903 г., за десять лет выдержал четыре издания.

⁶ Имеется в виду, что после этого о. Александр не относился серьезно к своим стихам.

⁷ Адольф фон Гарнак (1851–1930), немецкий историк Церкви, богослов.

⁸ «Сверхсознание» — первая часть трилогии русского духовного писателя М. В. Лодыженского. Вторая часть — «Свет незримый», третья — «Темная сила».



Отъезд в Иркутск. 1955 г.

В школьные годы и в начале института основательно изучил толстовство и теософию. Они вызвали резко отрицательную реакцию.

После окончания школы поступил в Московский пушно-меховой институт в 1953 году (в 1955 году наш факультет перевели в Иркутский сельскохозяйственный институт). Выбор был продиктован любовью к биологии, но уже задолго до того было принято решение о церковном служении¹. Поступил сначала на заочный, но со 2-го семестра перевели на очный. Учился с увлечением, обстановка была очень хорошей. Большинство товарищей — энтузиасты дела. (Дружбы не потеряли и сейчас, почти 30 лет спустя.) Студенты знали о моей вере и относились прекрасно.

¹ С 15 лет Александр прислуживал в московском храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне,

а в студенческие годы — в храмах г. Иркутска. Подробнее об этом см. на стр. 100 прим. 1.

1954

Первый том «Исторических путей христианства» (Древняя Церковь) написан¹. Антропогенез. Новый толчок дала лекция Я. Рогинского² в Политехническом музее. Много хожу на концерты. Складывается концепция шеститомника (в Приокском заповеднике, где бывал раз семь).

1955

Иркутск. Начинаю второй том «Исторических путей [христианства]»³. Пишу брошюру против баптистов (вполне ортодоксально и мирно). Нахожу Франциска Сальского⁴. Привлекает больше, чем восточные авторы на эту тему (ближе к реальной жизни). Решаюсь найти всю книгу (были две последние части). Потом нашел у Татьяны Ивановны [Куприяновой], жены Бориса Александровича [Васильева]. Вера Яковлевна перевела, и перевод вышел в издательстве «Жизнь с Богом» [1967]. Пишу очерк критики диамата.

1956

Продолжаю второй том. Собираю материал по шеститомнику. Читаю Вл. Соловьева, Лопатина, Лосского⁵, массу художественной литературы (Мережковский⁶ и пр.). Изучаю теософию. Учусь у одной женщины йоговским упражнениям.

1957

Заканчиваю второй том, довожу до XV в. Начинаю книгу «О чем говорит и чему учит Библия»⁷. Изучаю библейскую критику. Велльгаузен⁸.

¹ Сохранившаяся рукопись вошла во 2-й том книги «История религии». М., 1997.

² Яков Яковлевич Рогинский (1895–1986), антрополог, доктор биологических наук, профессор МГУ; основные работы — по антропогенезу и морфологии человека.

³ См. Приложение II.

⁴ Св. Франциск де Саль (1567–1622), с 1602 г. епископ Женевы. Речь идет о его книге «Руководство к благочестивой жизни», впоследствии переправленной в Брюссель о. Александром.

⁵ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1964), русский философ и богослов.

⁶ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941), русский писатель, критик, эссеист.

⁷ Рукопись, архив Фонда им. Александра Меня.

⁸ Юлиус Велльгаузен (1844–1918), немецкий востоковед и исследователь Библии. Его книга «Введение в историю Израиля» (1878) вышла в русском переводе в 1909 г.



Рисунки Александра 1955–1956 гг. (студент из Якутии; преподаватель географии; прот. Михаил Мельников)



На практике. Иркутск. 1956 г.



Студенческие военные сборы. 1956 г.

Читаю много из русской религиозной философии. Особенно поражает Трубецкой, «Умозрение в красках», — об иконах¹. Киприан. Палама.

1958

Изучаю Соловьева и «Историю католической церкви» (автора не помню, по-моему, поляк; по-русски). Работаю в епархиальном управлении. Изнанка. Знакомлюсь с бывшим католическим священником. Тоже не сахар. Резкое отталкивание. Но благодаря предыдущим работам уже прочно стою на экуменической позиции. К. Даусон², «Прогресс и религия».

В Иркутске еженедельно занимался в общей библиотеке, где доводил свое образование до нужной мне полноты. Прошел почти весь курс Духовной академии. Рассчитывал, что поступлю туда после отработки трех лет. Об этом была договоренность с инспектором — архимандритом Леонидом (Поляковым)³.

...Был отчислен из института в мае 1958 года, когда уже сдал первый госэкзамен. Три года необходимой отработки отпали.

Через месяц был рукоположен (был представлен А. В. Ведерниковым митрополиту Николаю (Ярушевичу)⁴, и он, спросив меня, люблю ли я свою профессию, и получив утвердительный ответ, благословил рукоположение). Был посвящен в дьяконы 1 июня 1958 года, на Троицу, в храме Ризоположения преосвященным Макарием Можайским (без экзамена) и направлен в приход села Акулово (под Одинцово).

Тогда же поступил в семинарию, она мне мало что дала. Служил со священником-уставщиком. Это был хороший урок. Убедился, что часто «типиконство» соседствует с помраченным нравственным сознанием и узостью (такова была вся обстановка в храме).

Уже дьяконом заканчиваю книгу о Библии [«О чем говорит и чему учит Библия»]. Пишу очерк «Единство Церкви», прокатолический. Вычлению из «Библии» [«О чем говорит и чему учит Библия»] (440 страниц)

¹ Речь идет о трех статьях Евгения Николаевича Трубецкого «Умозрение в красках» и о книге архимандрита Киприана Керна «Антропология св. Григория Паламы». Париж, 1950.

² Кристофер Даусон (1889–1979), английский культуролог, католический мыслитель.

³ Подробнее о нем см. на стр. 119 прим. 2.

⁴ Митр. Николай (Ярушевич) (1892–1961), митрополит Крутицкий и Коломенский. С 1946 г. председатель ОВЦС.



В храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне прот. Дмитрий Делекторский венчает Александра и Наталию. Дьякон Николай Ситников. Слева о. Борис Васильев, справа (в стихаре) Кирилл Вахромеев (ныне митр. Филарет). 1956 г.



Кирилл Вахромеев помогает венчающимся обменяться кольцами

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Николаю,
Митрополиту Крутицкому и Коломенскому
от Мень, Александра Вольфовича

Прошение

Имея желание посвятить себе на служение
Церкви Божией прошу Ваше Высокопреосвященство
Благословить мое намерение принять сан диакона.

24 апреля 1958г. *Алекс*

Автобиография.

Я мени Александр Волыровиц родился в 1935 г. в г. Москве. Крещен во младенческом возрасте. В 1943 г. поступил в 554 московскую ср. школу, которую и окончил в 1953 г. В 1953 г. поступил в Московский Тупин-Меховой Институт. В 1955 г. добровольно из которого я ушел был переведен в г. Иркутск. В 1957 г. женился на девушке. В марте 1958 г. выехал из Иркутска институт и приехал в Москву. Проживаю сейчас в московской области, Звениковский р-н.

24 апреля 1958 г.

Алекс



У храма Покрова в с. Акулово. 1960 г.

главы о Христе и делаю «Сына Человеческого»¹. Использую катехизические беседы, которые каждое воскресенье по просьбе настоятеля вел с новокрещаемыми.

В акуловский период много занимался катехизацией (было много крещаемых в церкви). Написал первый вариант «Сына Человеческого», а также ряд статей.

Начинаю учиться иконописи у Ведерниковых.

Ленинградская семинария (1958–1960 годы).

Работаю над вторым вариантом «Сына Человеческого». Начинаю печататься в «Журнале Московской Патриархии» (всего около 40 статей). Основополагающие книги: Ельчанинов, «Записки священника» (только что вышли) и «Пастырство» [«Введение в пастырское богословие»] Киприана Керна.

¹ См. Приложение II.



Дьякон Александр в с. Акулово. 1960 г.

1959

Читаю новых философов — Джеймса, Бергсона.

1960

Пишу «Истоки религии»¹, в них еще входят главы о первобытных религиях. Иконопись. Бердяев массой. Булгаков. Гегель.

Духовником в студенческие годы был Николай Александрович Голубцов². Человек мудрый, светлый и открытый. Сам из биологов. Он и благословил меня в 1960 году подать прошение о принятии сана священника. Рукоположен в 1960 году 1 сентября в Донском монастыре епископом Стефаном (Никитиным) из «маросейских».

Отец Николай очень много мне дал, и я не терял с ним связи до самой его смерти (1963). Он мне говорил: с интеллигенцией больше всего намучаешься (это он знал из своего опыта). Но он был именно пастырем этого духовно заброшенного сословия и мне это завещал. Он руководствовался принципом свободы. Никогда не проявлял узости. (Его биография опубликована в «Журнале Московской Патриархии» в 1963 году.) Главное: он был не жрецом, но пастырем. Это был для меня идеал (в свете воспоминаний моих близких о духовном руководстве и влиянии архимандрита Серафима Батюкова). После него исповедовался у Бориса Александровича Васильева.

[После рукоположения] был назначен в Алабино сначала вторым священником, а через год — настоятелем. Провел ремонт, с местными властями отношения были хорошие. Даже помогал им в хозяйственных вопросах. Основные, почти ежедневные, требы проходили в Наро-Фоминске (была церковная машина). Жил при приходе... Посещаемость была хорошая. Появились первые помощники, молодые. Некоторые остались и по сей день. Дружил со многими молодыми священниками. И с теми, кто потом был рукоположен.

Окончил Ленинградскую духовную семинарию.

¹ См. Приложение II.

² Прот. Николай Голубцов (1900–1963), окончил Сельскохозяйственную академию, работал агрономом, сотрудником ВАСХНИЛ. В 1949 г. сдал экзамены за семинарский курс, рукоположен

в дьяконы, а затем в священники. Служил в Малом соборе Донского монастыря (другие храмы монастыря были закрыты), приписанном к храму Ризоположения на Донской; его проповеди печатались в ЖМП.



О. Николай Голубцов. 1 сентября 1949 г.

1961–1962

Пишу «Магизм и единобожие». Изучаю Фрейда. Символистов, особенно Белого. Много антропософии. Пушкин. Лескова начал читать много еще в Иркутске. Ибсен. Метерлинк. Познакомился с трудами Тейяра де Шардена¹. Нашел в нем родную душу.

В церковно-исторической сфере учителями были Болотов², Гарнак, Дюшен³.

1963

Поглощен строительством. Пишу индийские главы «Магизма». Индия идет полным ходом. Пишу «У врат молчания»⁴.

1964

Летом заканчиваю «У врат молчания». Последние строки написал после обыска 3 июля 1964-го: из-за Льва Лебедева⁵ едва не попал под суд, но чудом Божиим избежал его. Отделался фельетоном в «Ленинском знамени», все было неосновательно. Переведен в Тарасовку на Успение в 1964 году (еще до падения Хрущева).

В Тарасовке было много служб и не было помещения, но народа московского сильно поприбавилось. Беседовал и общался по дороге и в Москве. Потом и дома. Целью общения считал необходимость создания «среды», в которой верующие чувствовали бы себя свободно. Действовал методом естественного отбора. Когда нужные отобрались, прекратил встречи дома (около 1967 года).

Московская духовная академия (1964–1968 годы).

1965

Пишу греческие главы для «Магизма и единобожия». Разделяю «Истоки религии» по совету Желудкова (его самого впервые прочел в 1959 году). С этого времени (1961–1964) переписка с Желудковым⁶ и компанией. Еще одна редакция «Сына Человеческого».

¹ Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955), иеромонах, французский католический мыслитель, ученый-палеонтолог.

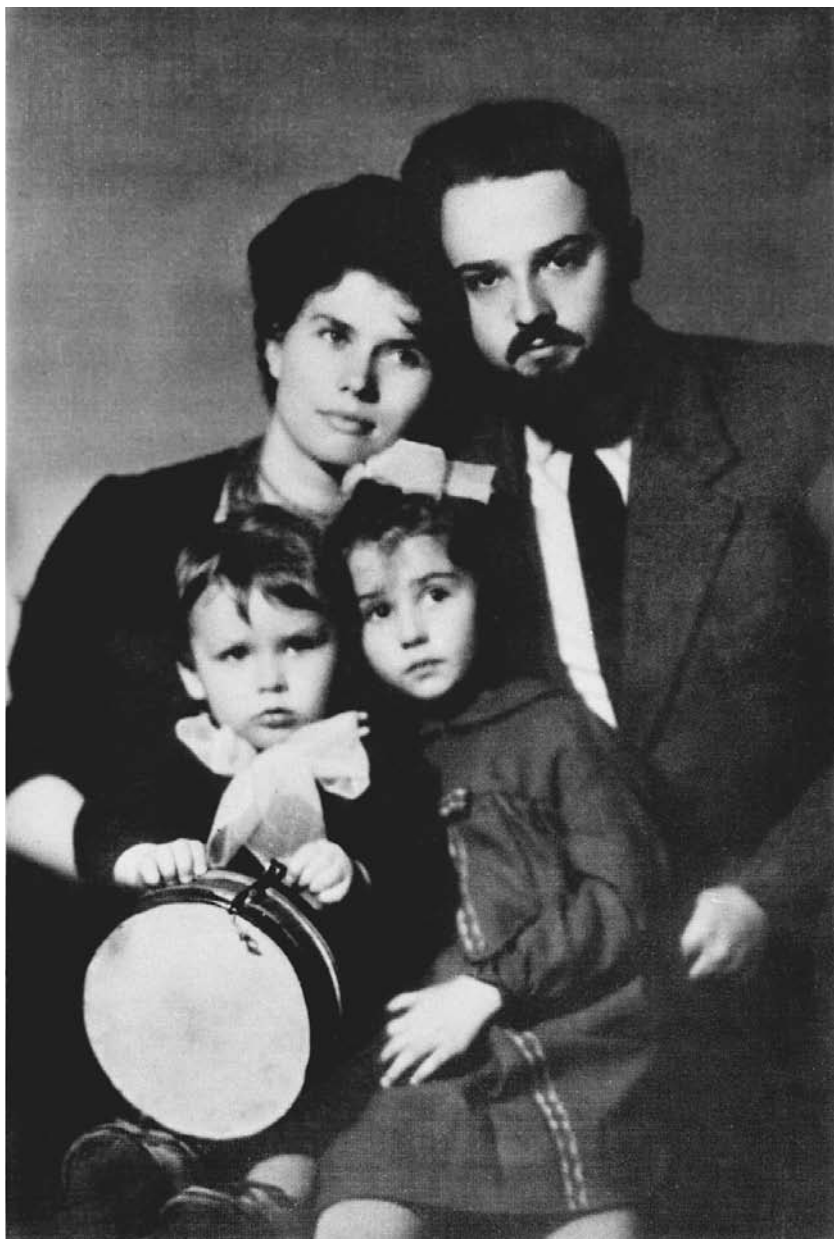
² Василий Васильевич Болотов (1853–1900), православный историк Церкви.

³ Луи Дюшен (1843–1922), священник, французский католический историк древней Церкви.

⁴ См. Приложение II.

⁵ Подробнее об этом см. на стр. 129.

⁶ Свящ. Сергей Желудков (1909–1984), религиозный писатель, правозащитник. Подробнее о нем см. на стр. 181.



О. Александр с женой Наталией и детьми Еленой и Михаилом. 1962 г.

1966

Пишу «Дионис, Логос, Судьба»¹. Ницше, Вересаев, античная литература. Последние статьи в «Журнале Московской Патриархии». Учю греческий.

1968

Выход «Сына Человеческого». Общая редакция 4-х первых томов. Булгаков. Бердяев. Соловьев. Много Бергсона. Старец Силуан (читал еще раньше, в 1958 году). Материалы по Оптиной пустыни. Беседы о ней с Павлович². Учю иврит. Начал «Пророков»³.

1969

Выходит «Небо на земле»⁴. Кандидатская работа — «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии».

Дружба со Старокадомским⁵ и Ветелевым⁶.

Пишу «Пророков».

1970—...

Настоятель отец Серафим Голубцов, известный своими доносами, написал на меня рапорт, и я попросил митрополита Пимена⁷ (позже Патриарха Московского и всея Руси) перевести меня от него. Встретил полное понимание. Явный уход не удался из-за народа и протестов. Пришлось уходить тайком. Поменялся со священником Новой Деревни, куда давно стремился⁸.

¹ См. Приложение II.

² Надежда Александровна Павлович (1895–1980), поэтесса, автор мемуаров о Блоке, об Оптиной пустыни, а также жизнеописания святителя Николая Японского.

³ См. Приложение II.

⁴ См. Приложение II.

⁵ Прот. Михаил Старокадомский (1889–1973), профессор. В начале 1950-х гг. работал в редакции «Журнала Московской Патриархии». С 1957 г. — преподаватель Московской духовной академии, кафедры патрологии. Подробнее о нем см. некролог в ЖМП, 1973, № 11.

⁶ Прот. Александр Ветелев (1892–1976), профессор, доктор богословия. В 1946 г. принял священнический сан. Подробнее о нем см. некролог в ЖМП, 1976, № 10.

⁷ Патриарх Пимен (Извеков) (1910–1990), предстоятель РПЦ с 1970 по 1990 г. С 1959 по 1962 г. архиеп. Пимену поручалось временное управление Луганской, Смоленской, Костромской и Тамбовской епархиями.

⁸ Подробнее об этом см. на стр. 175.



Храм Сретения в Новой Деревне под Москвой. 1970 г.

В Новой Деревне завершил «Пророков» и шестой том, а также создал новые варианты «Сына Человеческого», «Истоков религии» и «Неба на земле». Написал толкования к Новому Завету и краткие комментарии к Ветхому Завету. Статьи появлялись уже только в «Штимме»¹ (последняя — в ЖМП в 1966 год).

За этот период оформились окончательно основные методы и принципы работы. Цель: создавать предпосылки для образа жизни, мысли и устоев христиан XX века, без староверства. Тогда же, в связи с литературной работой, расширились связи с учеными и писателями.

¹ Журнал «Stimme der Orthodoxie» («Голос православия»), издание Западно-Европейского экзархата Московской Патриархии в Берлине.



Слева направо: Владимир Семенович Цуперфейн, Вера Яковлевна Василевская, Елена Семеновна Мень, Александр и Леночка Цуперфейн на даче под Москвой. Начало 1950-х гг.

Найти новый язык для проповеди...

В юности от старших я часто слышал, что достаточно одной живой веры, чтобы привлечь людей. Частично я с ними соглашался, тем не менее хорошо понимал особенности нашего времени. Во времена апостолов большинство их аудитории было в той или иной мере религиозной. Теперь веру заменило безверие, упрощенное секулярными мифами. Нужно было сначала разбить лед, найти новый язык для «керигмы», проповеди, увязать ее с вопросами, которые волнуют людей сегодня.

Наставниками моими (кроме родителей) были люди, связанные с Оптиной пустынью и «маросейской» общиной отцов Мечевых. С самого начала в этой традиции меня привлекала открытость миру и его проблемам. Замкнутая в себе церковность, напротив, казалась ущерблением истины, которая призвана охватывать все. Когда в 17–18 лет я интенсивно готовился к церковному служению и много изучал патристику, у меня сложилась довольно ясная картина задачи, стоящей передо мной. Я видел, что к вере начинают тянуться люди преимущественно образованные, то есть те, кто имеет возможность независимо мыслить. Следовательно, священник должен быть во всеоружии. Я не видел в этом ничего от «тактики» или «пропаганды». Пример святых отцов был достаточно красноречив. Усвоение культуры нужно не просто для того, чтобы найти общий язык с определенным кругом людей, а потому, что само христианство есть действенная творческая сила. Конфликт отцов с харизматиками-эсхатологистами, отрицавшими культуру и «мирские» проблемы, имел прямое отношение к этой теме. Когда изучал раннехристианскую историю и писал о ней (в 19–20 лет), я убедился, что в моих мыслях нет никакого надуманного реформаторства, а они следуют по пути, проложенному традицией. Традиции святоотеческой христианской культуры противостоял апокалиптический нигилизм, вырождавшийся в секты, а также бытовой, обрядово-религиозный консерватизм, который питался языческими корнями, и, наконец, лжегуманизм, пытающийся осуществлять призвание человека вне веры. Под знаком этого



У могилы о. Серафима Батюкова. 1955 г.

противоборства я и пытался понять (и описать) историю Церкви. Когда я познакомился с «новым религиозным сознанием» начала XX века в России, стало ясно, что «новизна» его относительна, что оно уходит корнями в ранние времена и в само Евангелие. Хотя Новый Завет прямо не касался вопросов культуры (ибо по своей природе он глубже ее), но в его духе содержалось все, что должно было породить линию, ведущую через апостола Павла к святым Юстину, Клименту и далее к классическим отцам.

* * *

О Католической церкви в то время я больше всего получал сведений из антирелигиозной литературы, но, как только стали доступны более объективные источники, я увидел, что в ней, если говорить о последпатристических веках, творческая и открытая к миру тенденция получила широкое развитие (при этом слепая идеализация католичества была мне всегда чужда). Это «открытие» послужило исходной точкой для моих экуменических убеждений. Правда, я не предполагал тогда, что события начнут развиваться в этом направлении столь быстро. Вся окружавшая меня церковная среда резко осуждала мои настроения. Когда же с понтификатом Иоанна XXIII начался неожиданный поворот, я торжествовал. Ведь раскол наносил огромный ущерб и диалог воспринимался как оплодотворяющая сила.

В самый разгар изучения католичества (в 21–22 года) я в свободное от занятий в институте время работал в Епархиальном управлении (истопником) и близко соприкоснулся с разложением околоархирейского быта, которое очень меня тяготило. Но соблазн счесть нашу Церковь мертвой меня, слава Богу, миновал. Хватило здравого смысла понять, что церковный маразм есть порождение уродливых условий, а с другой стороны, я уже слишком хорошо знал (изучая Средние века) теневые стороны жизни и истории западных христиан. Как бы в подтверждение этому мне была послана удивительная «случайная» встреча. Я познакомился в Сибири с молодым священником (католиком), который учился в Ватикане и только что приехал с Запада. Его рассказы и книги, которые он привез с собой, открыли мне много замечательного и интересного, но сам он, мягко выражаясь, не мог вдохновить. Не буду писать о нем. Он много бедствовал и еще служит где-то в провинции. Одним словом, я понял, что маразм есть категория интерконфессиональная, а не свойство какого-то одного исповедания.

Отношение мое к протестантам (и в частности, к баптистам) было сложнее. Я очень ценил евангелический, пророческий, нравственный дух, присущий протестантизму. Приехав в 1955 году в Иркутск, я в один день посетил собор и баптистское собрание. Контраст был разительный. Полупустой храм, безвкусно расписанный, унылые старушки, архиерей, рычащий на иподиаконов, проповедь которого (очень короткая) напоминала политинформацию (что-то о Китае...), а с другой стороны — набитый молитвенный дом, много молодежи (заводской), живые, прочувствованные проповеди, дух общинности; особые дни молодежных собраний, куда меня приглашали. Старухи у нас гонят, а тут меня приняли прекрасно, хотя я сказал, что православный.

У других протестантов (либеральных) я нашел сочетание веры и библейской критики, в котором так нуждался (к слову сказать, за последнее время это сочетание упрочилось в католичестве и у наиболее просвещенных представителей православных). Я не был согласен с основными установками «Истории догматов» Гарнака, которую тогда изучал, но находил в ней много ценного. Сегодня католики сделали уже очень много для преодоления стены между ними и протестантами (у нас в этом отношении дела обстоят хуже, хотя Бердяев и проложил первые пути). При всем том я, безусловно, не мог примириться с тем, что протестанты оторвались от единства Церкви. Ведь иерархический строй (не говоря уж о таинствах) необходим, ибо создает возможность для Церкви быть реальной силой в мире.

Усвоение русской религиозной мысли нового времени столкнулось неожиданно с определенной трудностью. Протоиерей Георгий Флоровский, труд которого я прочел в конце студенческого периода, называл все это течение «декадентским». Он предлагал ориентироваться на митрополита Филарета (Дроздова), считал его чуть ли ни новым отцом Церкви. Но его аргументы в конце концов меня не убедили. Я прочел убийственную характеристику Филарета у историка Сергея Михайловича Соловьева, а к тому же сам факт, что митрополит защищал в своем катехизисе крепостное право, телесные наказания и т.п., решил для меня спор.

В жизнеописании доктора Гааза я прочел следующий эпизод. Этот поистине святой человек вступился за невинно осужденных, на что митрополит Филарет заметил: «Невинно осужденных не бывает, раз осуждены — значит виновны». Доктор Гааз тут же нашелся: «Владыко, —

сказал он, — вы Христа забыли». Филарет потом признал свою неправоту, но его высказывание характерно... Едва ли такие идеи могли бы высказать Владимир Соловьев или Бердяев. А ведь дерево познается по плоду. Книга Лескова «Соборяне» дает страшную картину положения «филаретовского духовенства», к которой добавить нечего.

Этот частный вопрос характерен для всей темы: церковность истинная и церковность, обремененная социальными грехами. Скажут: социальное для Церкви — второстепенно. Но на самом деле Судья будет спрашивать нас не о теоретических убеждениях или мистических видениях, а о том, что мы сделали для Его «меньших братьев». А это неотделимо от «социального». Здесь различие между Владимиром Соловьевым и его противниками в споре о средневековом мирозерцании; между архимандритом Александром Бухаревым¹ и его гонителями (архимандрит Феодор настаивал на том, что православие призвано сказать свое слово в общественной жизни; за это его лишили должности, звания доктора богословия и хотели заточить в монастырь; в знак протеста архимандрит Александр снял с себя сан).

Одним словом, конфронтация внутри самих рамок Церкви была для меня не менее важна, чем конфликт веры с атеизмом. Последний был закономерен и предсказан Спасителем. Церкви надлежит быть в утеснении. Впрочем, предсказана и борьба внутри (сравните слова Христовы о волках в овечьих шкурах, слова апостола Павла о «лжебратиях» и т. д.). В сущности, обличение Господом фарисеев было «внутрицерковной» борьбой, ибо они находились на почетном месте в ветхозаветной Церкви, к которой Христос обращал Свое слово.

В связи с этим вопросом и готовя материалы к истории Церкви нового времени, я стал собирать материалы по обновленчеству. С детства мне рассказывали о нем одни ужасы. Но меня интересовало: есть ли в этом какое-то ценное зерно. В Сибири нашел письма епископов, относившиеся к периоду раскола, прочел книгу Введенского² «Церковь и государство». Все это подтвердило худшие предположения: обновления — на грош, одно властолюбие, политиканство, приспособленчество. Но потом, во время каникул, в Москве встретился с Анатолием

¹ Речь идет об архим. Феодоре (Бухареве), в миру Александре Матвеевиче (1822–1871), православном богослове, экзегете и публицисте.

² Александр Иванович Введенский (1888–1946), идеолог и лидер обновленчества.



1955 г.

Эммануиловичем Левитиным¹, и он рассказал много интересного о Введенском. Я понял его не только как зловещую, но и как трагическую фигуру, которая в другое время принесла бы Церкви много пользы. Что же касается его «приспособленчества», то оно уже не могло удивить после того, на что я насмотрелся в наших собственных патриархийных стенах. Здесь — все отрицательное от Введенского, но ничего положительного, что было ему свойственно. Как труды митрополита Филарета не утратили интереса из-за его политических «грехов», так и стенограммы проповедей и диспутов Введенского не должны быть забыты. В них есть немало ценного.

Когда в 1957 году я занялся книгой о Библии, я отодвинул тему новейшей церковной истории на задний план и впоследствии передал собранные материалы тем, кто этой темой занимался вплотную. (Кажется, часть их попала потом в руки Л. Регельсона².)

Отход от церковно-исторических вопросов (я остановился в своей рукописи на XV веке) был обусловлен тем, что я отчетливо слышал призыв перейти к делам, имеющим прямое отношение к проповеди веры, к уяснению людьми смысла Библии и Евангелия. В те годы Священное Писание стало все чаще попадать в руки людей. В иркутском соборе лежали на прилавке и довольно медленно расходились экземпляры Библии — чтение было трудное для рядового читателя, даже образованного, не говоря уж о прочих.

В результате получился том (400 машинописных страниц) под названием: «О чем говорит и чему учит Библия». Книга вышла весьма несовершенная, но она стала черновым прототипом и планом для шеститомника «В поисках Пути...» и в первую (по времени) очередь для «Сына Человеческого».

Зимой 1957–58 годов я впервые ясно увидел, что такое «христианский гуманизм» и «христианский Ренессанс», которые противостояли Ренессансу языческому. Это движение началось с эпохи Франциска и Данте и завершилось святителем Григорием Паламой, Кватроченто,

¹ Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин (1915–1991), участник обновленческого движения, провел в концлагерях 7 лет при Сталине, 3 года при Брежневе, был вынужден уехать за границу в сентябре 1974 г. Автор (вместе с В. Шавровым) истории обновленческого движения: «История русской

смуты». М., 1996. Подробнее о нем см. на стр. 120, о В. Шаврове — прим. на стр. 122.

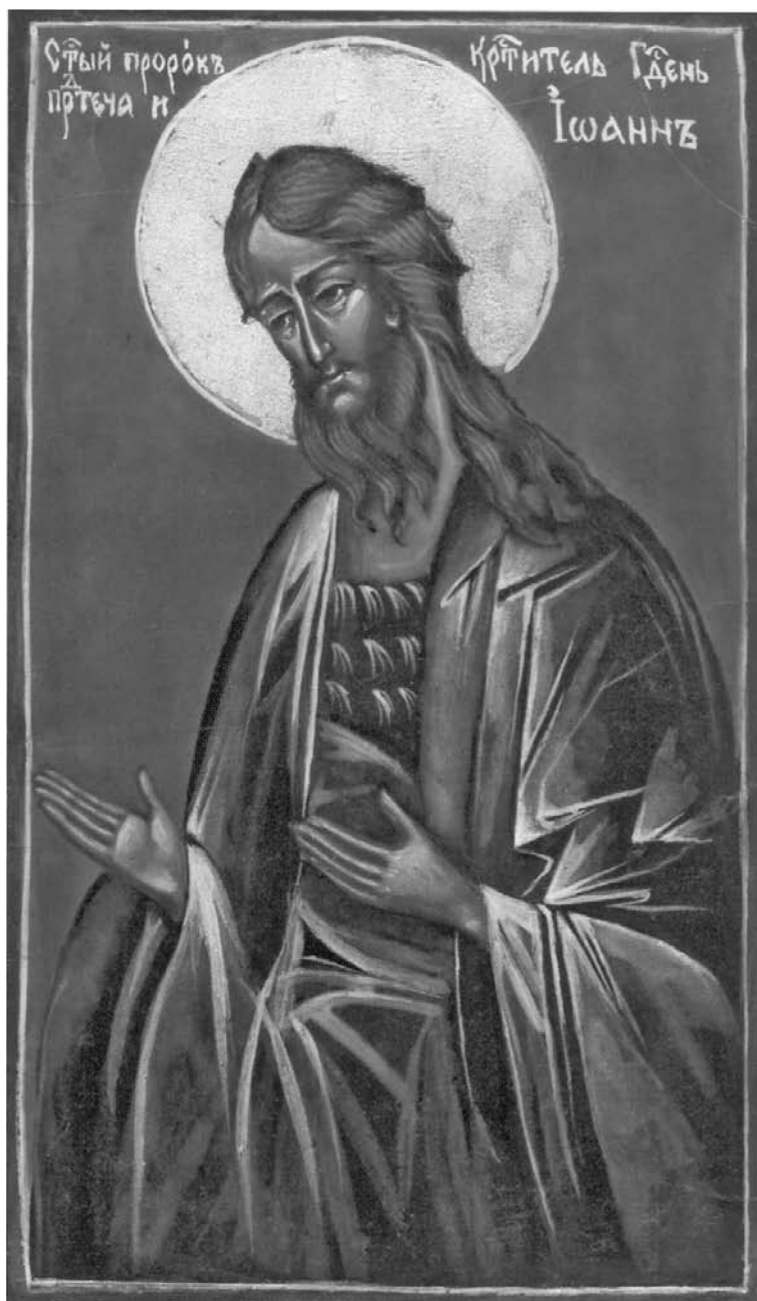
² Лев Львович Регельсон (р. 1939), физик по образованию, автор книги «Трагедия Русской Церкви 1917–1945 гг.». Париж, 1977; М., 1996.

Рублевым, преподобным Сергием. В отличие от «темных веков» Средневековья (X–XI вв.), оно заговорило о ценности человека и мира как творений Божиих. Но этот гуманизм не получил внешнего преобладания, а остался полускрытым ручьем под горой языческого гуманизма, создавшего светскую идеологию Нового времени. Тем не менее ручей этот никогда не иссякал. И сегодня, я убежден, христиане должны стремиться к развитию его линии. Не к повторению, а к развитию — как обстоит дело и с патристикой. Собственно, патристика была первым выражением христианского гуманизма. Слова этого я не боюсь. Если Бог отдал Сына Своего ради человека, то сама Благая весть возносит человека на недостижимую высоту, то есть является гуманистической в самом лучшем смысле этого слова.

О соотношении национального и религиозного я задумывался мало и осознал его внезапно, беседуя однажды со старообрядческим начетчиком в глухой забайкальской деревне. Он сказал мне, что за Удой (то есть в православной церкви) лучше поют и служба лучше. Я спросил: «Что же вы туда не ходите?» — «Нет, — сказал он, — в какой вере родился, в такой и умри». — «Ну, а что было бы, — спросил я его, — если бы князь Владимир, крестивший Русь, рассуждал бы так? Вы бы и до сих пор поклонялись Перуну?»

Собственно, в этом риторическом вопросе содержался ответ на все случаи. Греки, сирийцы, эфиопы, римляне, египтяне, русские, болгары и все другие народы — если бы они ставили национальную традицию выше веры, то они бы никогда не приняли христианства, а народы Востока до сих пор поклонялись бы вместо единого Бога ислама — своим идолам. Все это, впрочем, никак не может быть аргументом против национальной оболочки и стиля той или иной религиозной общины и Церкви.

Нация — это характер, индивидуальное лицо этнического коллектива. Вне ее невозможна ни культура, ни Церковь, — как они не существуют для «человека вообще». Основа всего — диалектика апостола Павла: с одной стороны, он иудей и сознает себя причастным своему народу, а с другой — говорит, что нет ни мужского пола, ни женского. Значит ли это, что он отрицает существование полов? Он просто указывает на иерархию в духовной жизни. В проявлениях, в земном, во внешнем, в природном есть и эллин и иудей, есть и мужчина и женщина. Но в глубине (как теперь говорят, в сфере экзистенциального), во встрече со Христом все это отступает на задний план.



Св. Иоанн Предтеча. Икона, написанная о. Александром

Аналогия — искусство. Оно, как правило, есть проявление национальной культуры, но на своих высотах доступно всем векам и народам. Наименее национальна наука, потому что она безлична, как бы внечеловечна.

Я отвлекся на все эти рассуждения лишь потому, что подобные мысли занимали меня все то время и не потеряли актуальности и сейчас. Я жил ими всецело, но это не мешало мне оставаться в гуще жизни, работать, учиться, интенсивно общаться с людьми, с которыми меня связывали общие дела, интересы (научные и бытовые), я совсем не выглядел отчужденным. И, пожалуй, считал бы такую позу ложью, доказательством тому, что христианство «не имеет отношения к жизни».

[Из писем]

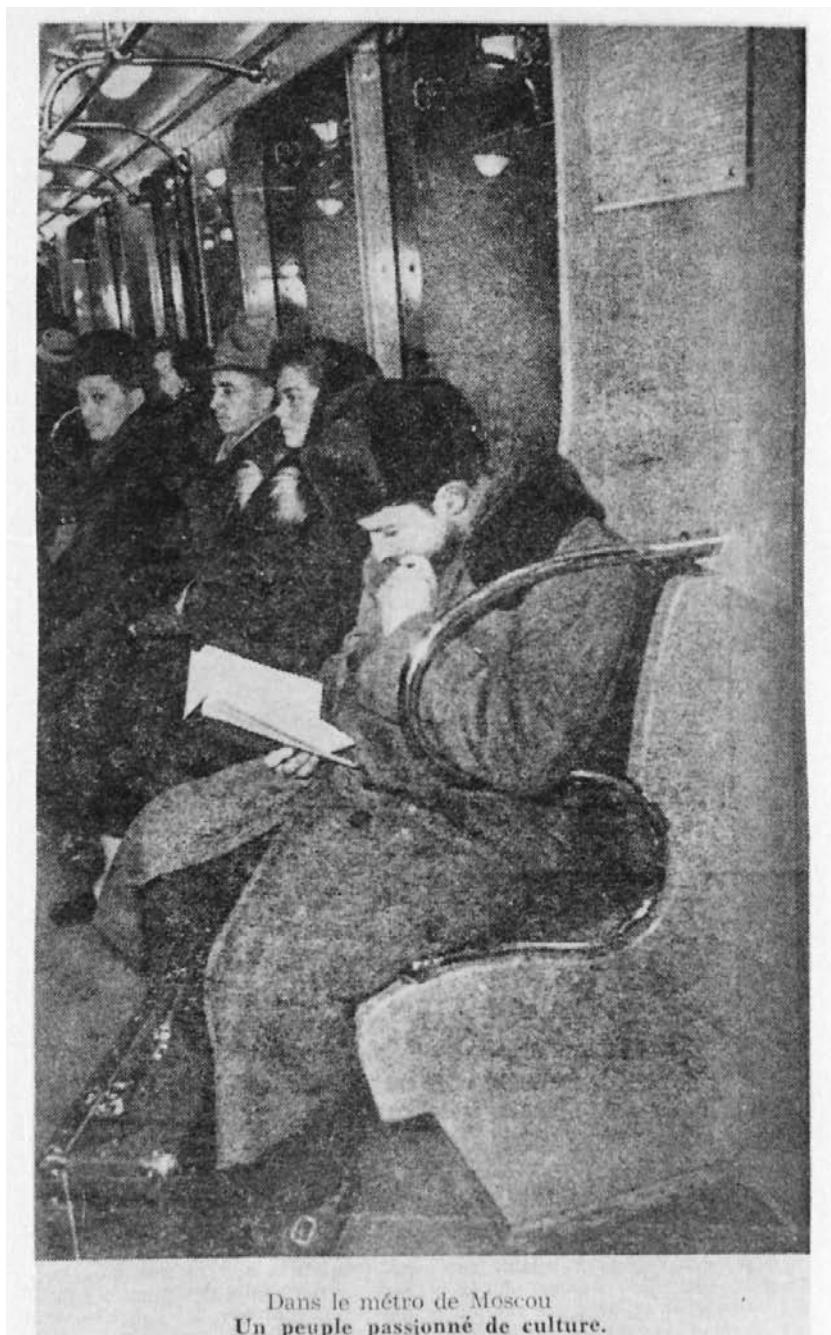
...Я, став священником, пытался объединить приход, сделать из него общину, а не случайное соединение лиц, едва знакомых между собой. Я пытался сделать так, чтобы все члены помогали друг другу, чтобы вместе молились, вместе изучали Писание, причащались бы вместе.

* * *

Я вообще убежден, что все прекрасное и глубокое во всех верованиях и религиях мира есть действие Христа — незримое, анонимное, но явное и продолжающееся...

* * *

Христианство неисчерпаемо. Уже в апостольское время мы находим целую гамму типов христианства, дополняющих друг друга. Итак, если выразиться кратко, для меня вера, которую я исповедую, есть христианство как динамическая сила, объемлющая все стороны жизни, открытая ко всему, что создал Бог в природе и человеке. Я воспринимаю его не столько как религию, которая существовала в течение двадцати столетий минувшего, а как Путь, устремленный в грядущее.



Фотография из французской газеты. Подпись: «В московском метро. Народ стремится к культуре». Волею случая в объектив западного фотографа попал о. Александр